

Владислав ЛЕЦИК

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ВАНЯ И ТАНЯ-«КУТУРУК»

Таёжные картинки

Иванчик любит вырезать из бумаги оленей. Целое бумажное стадо разбрелось по нашему зимовью, а ему всё мало. Вернёшься вечером с охотничьего путика, не успеешь и чаю толком попить — а он тут как тут, с ножницами:

— Ну вы-ырежь оленя!

— Не умею.

— А тогда нарисуй!

Я стал рисовать оленя, но получилась лошадь с рогами. Поразмыслив, я зачёркал рога и на оставшуюся лошадь посадил кавалериста.

— А что у него в руке? Таняк?

Таняк — палка, которой погоняют оленя. Я буркнул:

— Сабля это, — и нарисовал убегающего белогвардейца, который в панике бросил наземь свою винтовку. Это обстоятельство ошеломило Иванчика. Он долго смотрел на рисунок и презрительно сказал:

— Ружьё бросил. Тоже мне охотник!

Шестилетний Ваня ещё не успел узнать, кто такие были белогвардейцы, зато знает, что охотнику не годится быть трусливым. Хвастливым — тоже.

Однажды они с отцом вышли из дому, перешли по молодому октябрьскому льду реку Ын, и в косматом ельнике отец срубил соболиную ловушку, а сын как мог ему помогал.

– Это твоя ловушка, – сказал отец.

И случилось так, что первый соболь сезона попал именно в эту кулёмку. Отец смеялся:

– Ты, Иванчик, почин сделал!

Ваня взял добычу за лапы, встряхнул, подул в мех, как взрослый: какая, мол, подпушка? Был он в эту минуту бледен и молчалив от восторга. Но уже через полчаса вдруг махнул рукой и сказал:

– Это папкина добыча, а не моя. Это он место выбирал.

Лёгкой славой его не обманешь. Сын эвенка, сын охотника хорошо представляет себе, что охота – штука сложная. Уже два года кочует он с родителями по охотничьим угольям отца.

Сколько их у него уже было, этих перекочёвок!.. Если зима, Ваня едет в нартах, сидя в шубе как в тёплой будке. А летом все едут верхом, и Ваня тоже. Сидит в седле как настоящий охотник.

А Тане только четвёртый год, и ей особое внимание. Её садят на большого светлорогого оленя, в седло, покрытое по деревянной луке узорной резьбой. Седло старинное, в нём ездил мальчиком ещё Танин дед. Спереди подвязывают подушку, сзади подушку, по бокам – дощечки, чтоб не упасть. Укутанная в голубое покрывало, Таня едет торжественно и сонно, как восточная принцесса. А соскучившись глядеть на ёлки и оленьи спины, приказывает:

– Воды! И печенья!

Егоза. Обедали полчаса назад – ничего не желала, только вывозила себе щёки взбитым оленьим молоком... Мать, Екатерина Петровна, подъехав, поправляет ей платок:

– Подожди, котой. (Котой – значит дочка.) Здесь перевал, воды нет. Скоро речка будет.

– Тогда чаю!

– А чай не из воды, что ли? – возмущённо ёрзает в седле Иванчик.

А Танюхе не столько воды нужно, сколько хочется оказаться в центре внимания. Она это обожает. Зимними вечерами в избушке, когда вся семья в сборе – отец упряжь чинит, бабушка шьёт унты, бывают минуты сосредоточенной тишины. И тогда Таня вздыхает по-старушечьи:

– Ох, беда, беда!

Нарочно, чтобы все засмеялись. Для этой цели и другие словечки годятся. Например, «ради бога». Что такое «бога» – этого даже Иванчик не знает. «Ради» – тоже непонятно. А вот «радио» – это понятно, это значит «Спидола». И Таня кричит:

– Не мешайте вы мне, радио бога!

На каникулах приезжают к ним в тайгу старшие братья Миша-чан и Виталка, школьники. Сколько фильмов пересмотрел Виталка в колхозе! За пять минут он пытается все их пересказать Иванчику:

– Он поскакал, а они – бах! А он – хлесь! Тынь! Тынь! Тынь!..

– А они? – замирает Ваня.

– А они тоже – тынь! Тынь!..

Потрясающе. Таня и Ваня тоже смотрели кино не раз, но куда им до Виталки!

В остальном же маленькие эвенки не отстают от жизни. У них те же проблемы, что и у их сверстников в городах.

– Мама, у реактивных самолётов крылья большие? – спрашивает Иванчик. – Если два самолёта встретятся, как они разойдутся?

Таня над мудрёными вопросами голову не ломает, решает их сплеча:

– Макароны в Огодже растут!

И точка.

Ваня с удовольствием рассказал бы вам сказку, да разве Таня даст! Она сразу влезет и начнёт рассказывать «Колобок». Из всей сказки она помнит только одну фразу «По амбару метён!» – но зато повторяет её с упоением минут десять, пока даже добродушный пёс Серый не начинает в недоумении стучать под нарами хвостом.

Сказки им мать читает. Есть у них букварь и азбука, и Ваня за зиму выучил все буквы, а заодно освоил сложение до десяти.

Но ничто на свете не интересуется их так, как деятельность взрослых.

В сумерках, весь запорошённый снегом, замёрзший и усталый, возвращается в зимовье отец. Наспех привязывает верхового оленя – и греться. Только дверь откроет – а Таня и Ваня уже кричат:

– Что убил?

Если Иван Егорович привёз одного соболя, Иванчик скажет: «О!», если двух: «Хм! Молодец», а если пусто, то ничего не скажет: всякое бывает, охота есть охота.

В хозяйственные дела Иванчик вникает до мелочей. У него всегда можно получить нужную консультацию. Скажем, по «оленьему» вопросу.

На ночь оленей отпускают пастись, а чтобы они далеко не ушли, на шею им вешают чангай — увесистую палку... И если отпускать оленей приходится мне, я зову на помощь Иванчика.

— Чурап и без чангая не убежит, — наставляет он меня. — Братишка и Большой тоже, они и так за день устают... Это не Братишка, вот Братишка, тоже с одним рогом. Ты опять не узнал, что ли?.. А это Пуйлалак. У-у, ди-кошарая! Ей самый тяжёлый чангай привяжи... Пстой, — кричит он, — а кунгулян?

Чуть не забыл! Развязываю язычки колокольчиков — «кунгулянов», животные уходят в чащу, звон удаляется.

Попозже Иванчик выйдет из избушки и слушает. Звон колокольчиков еле доносится из темноты, похожий на отдалённый смех, на безумное бормотанье. Но Ванино ухо улавливает — это колокольчик Кочерги, а это — верхового по кличке Экимчан...

— Вверх по ключу пошли, — докладывает он отцу, войдя в избу.

Наутро отец идёт по ключу и пригоняет оленей. У зимовья суматоха. Животных надо поскорее переловить и привязать, не то опять уйдут. Их приманивают солью. Отец бросает аркан. И всюду коварным чертёнком носится Ваня: бочком подбирается к оленю и молниеносно хватает его за уздечку...

Дверь зимовья день-деньской открывается и закрывается, как дверь вокзала, будто через неё проходят толпы народа. Но непоседливая эта толпа состоит в основном из Вани и Тани, которая всюду следует за братом, как хвостик. Так её и прозвали — «кутурук», хвостик.

За день Ваня успевает натаскать помаленьку дров, покормить собак, исполнить тысячу мелких поручений. Он помогает мять и выколачивать пушнину и обижается, если ему не достанется соболя шкурка для обработки. Однажды он взял узкий, бриткий отцов нож и самостоятельно, по всем правилам, снял камус с ноги убитого дикого оленя. Шкурки с соболей и белок он ещё ни разу не снимал, но наблюдал, запоминал, как это делается, и укажет на малейшую вашу оплошность:

– Дефект будет!

Он заметит, что вы неправильно увязали поклажу на нартах. Он пять раз напомнит, какой олень сегодня не пришёл к зимовью. Это не пустое надоедание: плохо увязанная кладь может в дороге потеряться, а олень, которого нет уже вторые сутки, уйдёт далеко, и тогда ищи его...

Как дятел выклёвывает из дерева личинки короеда, так Ваня, насмешливый и дотошный, выклёвывает, где заметит, личинки лени и небрежности.

– На нарах валяться – зачем тогда в тайгу ходить? – говорит отец. Эту житейскую философию сын усвоил, и другая ему неведома.

Отец ремонтирует бензопилу.

– Иванчик, сходи-ка в палатку, принеси молоток.

За окном зимовья уже темно. Ваня мнётся.

– Бабая боишься? – усмехается отец.

– Нет.

– А кого же? Медведи зимой не ходят, ты же знаешь.

– Да, а вдруг там, за деревом, кто-нибудь стоит!

– А собаки на что? Собаки бы залаяли!

Убедительно. Надо идти. Когда тебе седьмой год, то двадцать шагов в темноте среди деревьев... Что там говорить.

Но через две минуты молоток лежит на столе.

Новая весна. Рыжая весенняя вода мчится по руслу речки, выложенному льдом. Светлый оленёнок, родившийся вчера, поднимается на невероятно длинные ноги.

Отец пригнал к палатке оленей.

– Луча! – кричит Танюха. – Ты сколько оленей поймал?

Луча – русский. Это я.

– Двух, – отвечаю.

– А я – вот сколько! – Она показывает три пальца и, довольная, ковыляет к Экимчану, который перестаёт жевать жвачку. Он не боится её, только изумлённо таращит глаза.

Цоп за уздечку!.. Попался, дуралей...

Вот и Танька уже помощница.

А Иванчику осенью в школу.